

Виктория Валерьевна МАРКОВА¹
Ольга Александровна ПЕТРОВА²

УДК 81'42

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ В КОЛУМНИСТИКЕ А. Г. БАУНОВА

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики,
Тюменский государственный университет
vitmark14@yandex.ru

² кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики,
Тюменский государственный университет
petrova-o-a@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена характерным особенностям формирования оценки в колонках А. Г. Баунова, опубликованных на slon.ru. В статье исследуется воплощение оценки на уровне макро- и микроструктуры текста, а также использование иконического элемента, метафоры и контекста в качестве средств выражения оценки. Оценочность у Баунова выступает мощным речевым фактором воздействия на аудиторию, формирует общественное мнение и ценностные ориентиры. В этом смысле тексты автора выполняют, кроме информационно-воздействующей, культуроформирующую функцию.

В публицистике Баунова сформулирована одна из важнейших проблем современного общества — распространение в мире «языка вражды», навязывание его обществу через СМИ, утрата гуманистических идеалов в угоду политическим интригам. Автор описывает это через конфликт между двумя «способами высказывания»: тем, «который предполагает, что вокруг все чисто», и тем, «который предполагает, что рядом существуют другие». Тексты Баунова представляют собой вариант дискурса, который нацелен на договаривание, побуждение и призыв к такому высказыванию, которое «предполагает место для других способов высказаться о том же предмете».

Цитирование: Маркова В. В. Механизмы формирования оценки в колумнистике А. Г. Баунова / В. В. Маркова, О. А. Петрова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 1. С. 44-56.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-44-56

Ключевые слова

А. Г. Баунов, российская публицистика, оценочность, метафора, культурно-исторический контекст, дискурс вражды, дискурс договора.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-44-56

Оценочность является «универсальной чертой публицистического дискурса», «одной из важнейших интенциональных текстообразующих категорий публицистических материалов» [6, с. 101]. Актуальность обращения к теме функционирования оценки в современной публицистике [1, 3, 4, 7, 8, 9] вызвана несколькими факторами. Во-первых, воздействующая функция в современной качественной прессе реализуется в форме убеждения, и оценка выступает «в качестве мощного фактора речевого воздействия, направленного на формирование общественного мнения в отношении какого-либо факта, события или субъекта» [10]. Во-вторых, индивидуальные авторские и социальные оценки, выражаемые автором, отражают групповые ценности, следовательно, СМИ транслируют и закрепляют аксиологическую модель общества на данном этапе развития, отражают присущую обществу картину мира. В-третьих, хотелось бы подчеркнуть еще один момент. Не секрет, что современные студенты испытывают огромные трудности, связанные с пониманием текстов. Они не умеют их интерпретировать, анализировать, вписывать в исторический и культурный контекст. Поэтому научить понимать и анализировать текст, на наш взгляд, является первоочередной задачей преподавателя. В этом смысле опыт анализа текста через выявление в нем категории оценки, через рассмотрение механизмов ее формирования кажется нам достаточно продуктивным.

Категория оценки является текстообразующей и «выражается в подчинении всех языковых средств основной коммуникативной установке, в их, совместно с композиционными приемами, целенаправленном использовании для усиления воздействия текста на читателя» [5, с. 58-59]. Поэтому через выявление этой категории можно обучать студентов как целостному, комплексному анализу текста, так и анализу каких-либо конкретных сторон материала. По этой причине, проанализировав около пятидесяти текстов Баунова, опубликованных с 2009 по 2015 г. в бытность его редактором и обозревателем ежедневного сетевого издания www.slon.ru, в данной статье мы остановимся на трех наиболее ярких, на наш взгляд, текстах.

Александр Баунов — публицист, обладающий яркой творческой индивидуальностью и не менее яркой авторской позицией. Тексты Баунова выполняют воздействующую функцию, и оценочность выступает мощным речевым фактором воздействия на аудиторию, на формирование общественного мнения и ценностных ориентиров. Превалирование воздействующей функции над информационной доказывает тот факт, что в текстах Баунова конкретное реальное событие служит лишь информационным поводом, а предметом размышлений автора становится не сама новость, а весь тот спектр смыслов,

интерпретаций, символических значений, культурных, литературных, исторических кодов, которые эта новость рождает. Автор ставит своей целью дать оценку общей ситуации, сложившейся в обществе на данный момент, вывести ее в общекультурный и исторический контекст. Причем широта общекультурного контекста, исторические параллели, прецедентные феномены, используемые Бауновым, заставляют говорить и о мощной просветительской составляющей его текстов.

Оценочность у Баунова проявляется на всех уровнях: как в макро-, так и в микроструктуре текста. Для большинства текстов Баунова на slon.ru свойственна одна и та же композиция. Сначала идет заголовок, затем иконический элемент, затем часть текста, которую можно рассматривать как общее вступление (зачин, введение), а затем несколько глав, озаглавленных отдельно (субтекстов). И постепенное разворачивание авторской позиции, убеждение аудитории с помощью авторской оценки от заголовка — иконического знака — зачина к последнему субтексту — заключительному абзацу характерно для бауновского дискурса. Нередко ключевые смыслы заложены уже в заголовке, затем они акцентируются в подзаголовках, имплицитно отражаются в иконическом знаке. На протяжении всего текста эти смыслы выражаются разными речевыми средствами, расширяются или сужаются, получают новое наполнение за счет близкого контекста (интертекстуальных, прецедентных феноменов). В качестве характерных способов выражения авторской оценки у Баунова мы выделили метафору, контекст и иконический элемент, хотя, конечно же, у публициста присутствует весь спектр собственно лингвистических оценочных средств — от лексических до синтаксических. Личность самого Баунова, его образование, интересы, творческая деятельность, обуславливают, прежде всего, наличие в текстах литературного и художественного контекста, начиная от цитат из античной литературы и заканчивая произведениями искусства художников настоящего времени. В этом смысле тексты автора выполняют, кроме информационно-воздействующей, еще культууроформирующую функцию.

Наиболее ярко проявление оценки в микро- и макроструктуре текста, на наш взгляд, отражено в тексте Баунова «Ревнителю и комедианты в Париже, России, везде». Информационным поводом к написанию материала послужило вооруженное нападение на офис французского сатирического еженедельника «Charlie Hebdo», совершенное 7 января 2015 г. Однако автор не упоминает в тексте названия журнала и напрямую не указывает на сам факт, послуживший поводом для комментария. Читатель понимает, о чем идет речь, опираясь на косвенные номинации: Париж, комедианты, братья Куаши. Коммуникативное намерение задается уже заголовком материала. Обозначаются основные враждующие силы — «ревнителю» и «комедианты», обозначается широкий контекст их противостояния — «в Париже, России, везде», т. е. общность проблемы для всего мирового сообщества. В зачине в один ряд с событиями в Париже выстраиваются нападения на различные средства массовой информации, совершенные в России и на Украине. Обширность и актуальность явления усилива-

ется гиперссылками на сообщение новостных агентств и тексты самого Баунова, посвященные подобным выходкам «ревнителю».

Зачин изобилует оценочными прилагательными и предикатами. Однако кто выступает субъектом оценки? Основным, конечно, является автор, но есть еще немаловажный, второй субъект оценки — «ревнители», которые оценивают «комедиантов». Баунов не пользуется цитатами, он не приводит ни одного «реального» высказывания того, кого можно отнести к «ревнителям». Он встраивает их мнение, их оценку в язык текста в виде несобственно-прямой речи, например, в виде незакавыченных цитат. Непосредственно авторская оценка заключена в первом абзаце. А далее появляется речь от лица второго субъекта оценки, причем, как уже говорилось, в тексте это никак не отмечено, читатель догадывается об этом только в ходе чтения. «Так не убили же, разве можно сравнивать с Парижем? Просто терпеть было невозможно этот богохульный спектакль, этот вражеский голос, эту пятую колонну, перешли всякую грань, плевков в душу, надругательство над лучшими чувствами» — так оценивают «комедиантов» «ревнители» в Москве и Киеве. «Так ведь и братьям Куаши терпеть было больше невозможно, потому что французы эти, европейцы, Запад этот перешел грань, наплевал, надругался» — так оценивают «комедиантов» «ревнители» в Париже. Не случаен параллелизм в подборе оценочных номинаций (общность), который усиливается последним предложением: «Разве можно против блокады, великой победы, пророка, русского народа, майдана, славной Украины, президента, веры, царя, отечества». Подбор всех «святынь» в один ряд через запятую возвращает читателя к тезису, которым начат материал и в котором оценка дана самим автором: «Все гиперактивные носители единственно правильных идей пребывают в диалектическом единстве: предикаты разные, а субъект давно один». Итак, уже в заголовке и в зачине обозначаются основные оценочные номинации и механизмы их противопоставления / объединения в последующем тексте: 1) «ревнители» — «комедианты»; 2) обобщение, одна природа их противостояния вне зависимости от религии, национальности, страны; 3) наличие двух основных субъектов оценки: S1 — автор, S2 — «ревнители».

В субтексте «В поисках личного забора» превалирует негативная оценочность. Во-первых, с точки зрения автора, который продолжает расширять (и обобщать одновременно) тип «ревнителю»: «Десятки тысяч беспокойных русских, украинцев, арабов, персов разных взглядов», «парижские, афганские, йеменские исламисты». «Личный забор» — это оценка, свойство подобного типа людей, которые нацелены на поиск врага, это «необыкновенно сильная тяга к отталкивающему, саморазрушительная фиксация на неприятном». Такие люди не просто ищут «вражескую» информацию, они «ее вожделяют». Оценка дается с применением экспрессивных языковых средств. Такую же экспрессивно-негативную оценку автор передает и с точки зрения второго субъекта, становясь на его место, стилизуя манеру думать и оценивать тех, кто «прицельно сканирует пространство» в поисках своего личного забора: «...что у них там, у

гадов сегодня на “Эхе”, на Первом канале, в “Вестях” — “ру” или “ya”, в ночном выпуске очередного “Укринформотпора”, не сказал ли кто гадость в адрес нашего народа, армии, партии, веры — а вот и сказал, не оскорбил ли кто ислама, нет ли где карикатур — а вот и они, поубивал бы всех». Нацеленность на поиск врага как стратегия поведения подобных людей (поиск личного забора) усиливается метафорой «радар обиженных чувств» (подчеркивается нерациональный, эмотивный характер этой стратегии: если нужного содержания не находится, то оно додумывается) и к концу первого субтекста получает новую формулировку, позволяющую разворачивать содержание текста и оценку дальше: «Часто этот навык сочетается с полной, абсолютной и окончательной серьезностью, некоторой волчьей неспособностью к повороту головы, эволюционно задержавшимся прямоглядием. Полным отсутствием полезного умения перевернуть мир и понять, что сам ты, какой есть, со всеми твоими взглядами, одеждой, душой и мыслями можешь оскорблять чьи-то чувства. И оскорбляешь, скорее всего». Характерное для Баунова перечисление оценочных номинаций, формулировок — средство усиления экспрессии, воздействия на аудиторию.

«Алиса в Стране чудес», отрывком из которой заканчивается эта часть, начинается перечень прецедентных названий художественных произведений, авторов литературных персонажей, программ, которые в каком-то смысле представляют собой традицию особого взгляда на мир, как раз умения «перевернуть» его: Льюис Кэрролл, Омар Хайям, Ходжа Насреддин, «Наша Раша», «ПрожекторПерисХилтон», КВН, чуть позже, в последнем субтексте — Софокл, Эврипид, Аристофан. И, конечно же, Аристотель. Заголовок второго субтекста — «Сожжение Аристотеля» отсылает читателя к прецедентной ситуации, укрыванию и сожжению второго тома аристотелевской поэтики, которая описана в «Имени розы» Умберто Эко. Противостояние «ревнителей» и «комедиантов» здесь реализуется как противостояние серьезного и смешного, как «разлом фундаментализма и смеха». Настоящий смех уничтожается, он заменяется симулякром — «ржачкой». И насаждение «ржачки», чтобы просто «поржать» (слова со сниженной, грубой окраской), как и «сакрализация и наступление смертельной серьезности», идет сверху, от одного источника, от власти. Смех опасен, он амбивалентен, ему не нужны враги, он не готов к борьбе со злом, потому что в его системе ценностей нет черного и белого, нет врагов, а следовательно: *Deus non est...* Ограждение от смеха церкви, истории, литературы, языка выгодно, по мысли Баунова, власть имущим. Он проговаривает их позицию с помощью характерных предикатов («Не смей Десятникову писать оперу про клонов наших великих композиторов. стыдно Сорокину пародировать стилистику наших великих писателей. Нельзя в театре надругаться над нашей классикой...») и оценивает современное состояние общества как «ампир, ренессанс советской античности», предполагающий строгое разделение жанров.

«Разделение жанров» — именно так озаглавлен последний субтекст этого материала. Баунов собирает воедино все расставленные по тексту смыслы, приводит их к логическому завершению, возводит их в степень и подводит читате-

ля к тому выводу, который нужен автору. «Разделение жанров», по Баунову, это не «изгнание смеха из культуры», это возможность, право быть и смешному, и серьезному. Просто, утверждает Баунов (а это и самое сложное), надо понимать язык того и другого. Здесь все ранее отрицательные оценочные смыслы, как в фокусе, собираются в одну метафору: язык «ревнителей» — это «язык оскорбленного чувства». Конфликт между «ревнителями» и «комедиантами» — это конфликт между двумя «способами высказывания»: тем, «который предполагает, что вокруг все чисто», и тем, «который предполагает, что рядом существуют другие». Логико-семантическая доминанта данного текста, на наш взгляд, может быть сформулирована так: фундаментализм (серьезность) ведет к неспособности слышать, воспринимать, давать право на существование другого (иного); необходимо уметь смеяться (принимать все стороны), иначе войны неизбежны. Иначе — наказание за отказ довольствоваться предназначенным и пустота (аллюзия к «И ныне все дико и пусто кругом» из «Трех пальм» Лермонтова).

Текст Баунова — вариант дискурса, который нацелен на договаривание, на объяснение того, как должно быть и как быть не должно. Побуждение и призыв к такому высказыванию, которое «предполагает место для других способов высказаться о том же предмете». С этой точки зрения рисунок Фреда Бергена «Смеющийся Иисус», предваряющий текст, несет символический характер. «Смеющийся» + «Иисус» — это невозможное, кошунственное сочетание для «ревнителей» и единственно возможное отношение к миру с точки зрения «комедиантов». «Смеющийся Иисус» — это позиция автора и этическое, культурное, идеологическое основание его оценки.

Иконический элемент нередко является у Баунова средством выражения авторской оценки. Текст «Гордость Тима Кука. Филологический анализ» относится к креолизированным (поликодовым), т. к. объединяет в своей фактуре вербальную и невербальную (иконическую) составляющие [2]. Основной смысл выражен в вербальном компоненте (достаточно большой текст, разделенный на озаглавленные субтексты), а предваряет его фотография. Как уже было замечено ранее, такая структура (заголовок — фотография — вербальный текст) характерна практически для всех материалов Александра Баунова, опубликованных на slon.ru. Чаще всего иконическим знаком выступает даже не фотография, а предмет изобразительного искусства. В любом случае такое постоянство заставляет видеть в размещении фотографии определенную авторскую волю и искать закодированный в этом действии смысл. В большинстве случаев иконические знаки в текстах Баунова подписаны.

Информационным поводом для материала послужило признание главы компании Apple Тима Кука в нетрадиционной сексуальной ориентации (“While I have never denied my sexuality, I haven’t publicly acknowledged it either, until now. So let me be clear: I’m proud to be gay, and I consider being gay among the greatest gifts God has given me”). Автор акцентирует внимание на лексеме, которую выбирает Кук, — «горжусь», и далее весь текст — это рассуждение об отличиях понятий «гордость», «гордыня», «гордиться» и т. д. в американской и

русской культурах. Другими словами, текст — это и есть «филологический анализ» понятия «гордость» и его буквальных и коннотативных смыслов.

Фотография, вынесенная в начало материала, с одной стороны, почти типичная для главы компании Apple: человек на фоне огромного экрана с презентацией новой продукции. В данном случае, видимо, это первое выступление Кука в головном офисе компании 4 октября 2011 г. Однако есть несколько смещений. Привычнее было бы видеть на экране эмблему Apple, или, по крайней мере, продукцию компании. И второе — человек здесь находится не в центре и не крупным планом. А крупно, в центре — # 1.

Баунов детально анализирует и оценивает различные варианты употребления понятия «гордость», «горжусь» в русской и американской речевой практике. Лексема «гордость» пронизывает весь текст, выполняя как смысловую, так и композиционную функцию: она функционирует в заголовке («Гордость Тима Кука») и в подзаголовках («Протестантская гордость», «Букет из гордости»). Проводя этимологический и смысловой анализ понятия, Баунов одновременно оценивает менталитеты американской и русской культуры, культурные и исторические предпосылки разного понимания «гордости», сложившиеся традиции и характерные различия. Выделим основные смысловые точки, по которым идет различие:

- 1) в русской культуре принято гордиться чем-то исключительным, выдающимся (подвигом); в американской — серединой или даже тем, что «ниже, хуже, чем середина»;
- 2) в американской культуре «гордость» — «не заявка на превосходство, а отрицание стыда», «не утверждение о подвиге, а высказывание об отсутствии переживания стыда»;
- 3) в России: «наша гордость должна быть коллективна», для гордости достаточно, что человек — «представитель большинства», «поэтому ему все по гроб жизни должны». В Америке: «совокупность маленьких частных гордостей», «принадлежности к меньшинству достаточно, чтобы тебе были все должны».

Вот та смысловая «рамка», внутри которой разворачиваются все смыслы в тексте и внутри которой происходит вторичная (уже после прочтения) интерпретация фотографии. Итак, два объекта — «# 1» (крупно, в центре) и «человек» в нижнем левом углу.

«# 1» — “number one” («номер один»). Идиома из англо-американского языка, американской культуры. Быть «номером один» — быть лучшим, the best. Превосходная степень. И, конечно же, Тим Кук — номер один по всем параметрам: он директор первой (лидирующей) в мире компании, лучший гендиректор по версии CNN, самый влиятельный гей по версии ЛГБТ-журнала Out и т. д. Одновременно “number one” имеет и такие значения, как «собственная персона», «собственное “я”», «собственные интересы», иногда с таким дополнительным смыслом, как «эгоистичность», «эгоистическое преимущество».

При этом сам Кук на фотографии практически «маленький человек», что иллюстрирует уже обозначенный в тексте мотив «хужести», человека «из низов», мотив «меньшинства», в конце концов. Причем человек на фото даже устремлен не к центру, а как бы уходит с фотографии (изгой?), но в то же время производит впечатление достаточно уверенного и самодостаточного. Получается, что Тим Кук совмещает в себе компоненты и американской гордости, и русской. Он и первый в смысле исключительный, выдающийся и the best; он и из меньшинств и в этом плане изгой для большинства; но (!) при этом для него характерно отсутствие переживания стыда за себя и восприятие своей сути как «дара божьего».

«Наши все» — так озаглавлен последний субтекст материала (отсылка к знаменитой характеристике Пушкина «наше все» Аполлона Григорьева). Заявление Тима Кука, бесконечно, казалось бы, далекое от русского восприятия того, чем можно гордиться, оценивается Бауновым в контексте русской традиции. И оказывается, что между Тимом Куком и Александром Сергеевичем Пушкиным очень много общего (в комментариях к стихотворным строкам Пушкина даже появляется характерное «каминг-аут»). Главный посыл текста — последнее предложение, характерный для Баунова призыв к умению воспринимать и понимать другого (иного), давать ему право на существование, не ограничивая ни его свободу, ни свой собственный мир: «А общество, где множество гордостей могут сосуществовать, не отрицая друг друга, выглядит более прочным». Общий смысл фотографии совпадает с последней главой текста, где автор ставит знак равенства между Тимом Куком и Александром Сергеевичем Пушкиным («наши все»). Фотография становится понятной только после прочтения текста, однако, будучи понятной, удачно визуализирует основные смыслы, которые автор хочет донести и внушить аудитории.

Текст Александра Баунова «Путин — аист из глубины веков», на наш взгляд, иллюстрирует использование ключевой метафоры-символа и культурно-исторического контекста в качестве средств выражения авторской оценки. По выражению Н. И. Клушиной, «метафора — вторичная номинация, имеющая дополнительные семы и коннотации, которые можно понять только в определенном контексте или с помощью определенной конситуации» [6, с. 122]. Ключевой метафорой-символом в тексте становится словосочетание, вынесенное в заглавие текста, — «аист из глубины веков». Именно этот символ сконцентрирует основные смыслы, реализуемые по всему тексту, и создаст в сознании аудитории нужный автору образ: «Выбор определенной метафоры в публицистическом тексте — это выбор определенной стратегии убеждения с помощью оценочной, идеологически нагруженной номинации, создающей и закрепляющей в сознании адресата нужный адресанту образ события» [6, с. 123-124]. В данном случае это образ Путина, потому что именно он становится основным и, по сути, единственным объектом оценки в тексте. Характерно, что фамилия президента попадает в заголовок, ср.: «Путин — аист из глубины веков» и «Аист из глубины веков» (а у Баунова много художественных, метафорических заголовков, в

которых не акцентируется внимание на лицах, о которых пойдет речь). Тире между подлежащим «Путин» и сказуемым «аист» изначально задает знак равенства между этими лексемами (Путин = аист) и формирует читательские ожидания в сторону расшифровки данного равенства.

Заголовок обуславливает еще один механизм формирования оценки при последующем чтении текста. Метафора «аист из глубины веков» состоит из двух частей. Часть «аист» повлечет за собой цепочку орнитологических номинаций и метафор в тексте, которые, в свою очередь, будут рождать собственные оценочные смыслы и подтексты: журавль, лебедь, орел, удод. Часть «из глубины веков» — сразу же обозначает тот культурно-мифологический контекст, из которого эти смыслы будут рождаться: «Обернувшись журавлем, Владимир Путин, может, и сам не ведает, к каким глубинам прикоснулся. Это у нас, с нашей молодой литературой и бедноватой мифологией из Снегурочки и Кикиморы — ну, журавль и журавль. Так, пара приключений с лисой и с цаплей. Другое дело — классическая античность».

Классическая античность изобилует примерами «метаморфоз», Баунов, филолог-античник по образованию, владеющий древнегреческим и латинским языками, чувствует себя в этом широком контексте свободно, оперируя примерами, авторами, произведениями, стихотворными строками и т. д. Предметом анализа становится мотив «превращения человека в птицу» в классических культурах. Баунов указывает на основные символические смыслы таких превращений: 1) обожествление, переход к бессмертию; 2) достижение всемирной славы. Не случайна здесь аллюзия к пушкинскому «Памятнику». У Овидия речь идет о преображении поэта-пророка, у Горация и Пушкина — о творческом бессмертии, об иной, высшей, природе бытия.

«Технология превращения в крупных пернатых» связана с приобретением нового физического и духовного статуса. Именно в таком ключе должна оцениваться читателем и логика поведения президента, его претензия на особое поведение и особую природу. Ассоциации эти вводятся в текст имплицитно, косвенно, и только в конце первой части идет прямое сопоставление: «Кикн хорошо виден в наших широтах летом и ранней осенью. В отличие от Путина, который хорошо виден всегда». Дальше — больше. Во второй части («В Тучекуевск») Баунов вспоминает о превращениях самого Зевса, «власть имеющего, громовержца». Возникает прямая параллель между Путиным и Зевсом, Путиным и Богом. Через символические смыслы превращений человека в птицу, свойственные античной традиции, Баунов имплицитно формирует оценку самого Путина, его стратегии поведения, политической деятельности, общей политической ситуации. Характерно, что игра этих смыслов в тексте постоянно происходит между верхним и нижним регистрами: между возвышенным и сниженным. Часто высокие смыслы античности соседствуют со сниженными смыслами дня сегодняшнего: там — обожествление и бессмертие, а здесь — «итяга к мировой славе, и чутье на международные новости»; там — «превращение человека в птицу», здесь — «технология олебеженья, в нашем случае,

ожурвления»; там — почти сакральный момент преобразования, здесь — «А глаз? Как у орла» (из мультфильма «Бременские музыканты»). Баунов постоянно сталкивает контексты античной литературы и современной российской действительности, и это переосмысление показывает уродство, неправильность, ограниченность последней. Зазор между возвышенными стремлениями античных поэтов и тем, во что они превращаются на российской почве, создают иронию как основной прием, как стилистическую интонацию данного текста. Сакральный момент духовного преобразования не может состояться — он остается нелепой, смешной, непонятной «технологией ожурвления». Высокий классический контекст, через обратное, работает на снижение поступка Путина и его образа.

К концу текста Баунов завершает построение ключевой метафоры-символа — «аист из глубины веков». Цепочка номинаций — аист, журавль, лебедь, орел, угод завершается опять аистом, отсылкой к сказке Гауфа «История о калифе-аисте». Именно превращение калифа в аиста (а потому и вынесение аиста в заголовок) становится для Баунова ключевым. Автор акцентирует внимание читателя не на самом превращении, а на условии успешной метаморфозы из человека в птицу и обратно: «После превращения калифа в аиста нельзя смеяться».

Баунов не случайно предпочитает скрытые (имплицитные) средства и способы выражения оценки. Оценочность в текстах Баунова экспрессивна, но не эмотивна. Оценка у публициста направлена больше на интеллектуальное, а не на эмоциональное воздействие, хотя и с использованием ярких экспрессивных средств. Эмотивность оценки, а значит открытые (эксплицитные) средства ее выражения — пейоративная лексика, ярлыки, сниженные, грубые лексические средства, — есть, по Баунову, знак ограниченности, неприятия полноты бытия, враждебности, неумения поставить себя на место другого. Т. е. знак конфликтности и опасности для общества. Критика «языка оскорбленного чувства» — один из самых характерных лейтмотивов в текстах Баунова. В материале «Ревнителю и комедианты в Париже, России, везде» Баунов формулирует, по сути, одну из важнейших проблем современного общества — распространение в мире «языка вражды», навязывание его обществу через СМИ, утрату гуманистических идеалов в угоду политическим интригам. Будучи филологом и дипломатом, Баунов описывает эту проблему через конфликт между двумя «способами высказывания»: тем, «который предполагает, что вокруг все чисто», и тем, «который предполагает, что рядом существуют другие».

Тексты Баунова представляют собой вариант дискурса, который нацелен на договаривание, объяснение того, как должно быть и как быть не должно; побуждение и призыв к такому высказыванию, которое «предполагает место для других способов высказаться о том же предмете». И, собственно, пример такого высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста / Н. И. Клушина. М., 2008. 244 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. М., 2002. 280 с.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. М., 1988. 341 с.
4. Солганик Г. Я. Основы лингвистики речи / Г. Я. Солганик. М., 2010. 128 с.
5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. М., 2008. 203 с.
6. Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке / Т. В. Маркелова. М., 1993. 125 с.
7. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. СПб., 2002. 383 с.
8. Чернышова Т. В. «Негативная оценочность» как фактор конфликтности публицистического текста. URL: http://siberia-expert.com/publ/negativnaja_ocenochnost_kak_faktor_konfliktnosti_publicisticheskogo_teksta_t_v_chernyshova/3-1-0-65.
9. Кайда Л. Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция // Язык современной публицистики / Л. Г. Кайда; сост. Г. Я. Солганик. М., 2008. 232 с.
10. Валгина Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. М., 2003. 280 с.

Viktoriya V. MARKOVA¹
Olga A. PETROVA²

**THE MECHANISMS OF EVALUATION
IN COLUMN ARTICLES
BY A. G. BAUNOV**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Journalism Department,
Tyumen State University
vitmark14@yandex.ru

² Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Journalism Department,
Tyumen State University
petrova-o-a@yandex.ru

Abstract

This article deals with the characteristic features of evaluation in the columns of A. G. Baunov, published on slon.ru. The article is devoted to the embodiment of evaluation at the levels of a text macrostructure and microstructure. Iconic metaphorical and contextual elements serve as the means to express evaluation. Baunov's evaluation is a powerful speech factor to convey impact on the audience, to form public opinion and values. In this regard, Baunov's texts perform, apart from the informative function, the culture-shaping function. Baunov's publicist works contain a formula for one of the most significant problems of the contemporary community — the spread of “the language of hatred” in the world, imposing it on the society through the media, alongside the loss of humanistic ideals in favor of political intrigue. The author presents this problem through a conflict between two “types of statements”: the first “suggests that there is nobody around”, and the second “suggests that there are others”.

Keywords

Baunov, Russian journalism, evaluation, metaphor, cultural-historical context, hatred discourse, negotiation discourse.

Citation: Markova V. V., Petrova O. A. 2017. “The Mechanisms of Evaluation in Column Articles by A. G. Baunov”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 1, pp. 44-56.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-44-56

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-44-56

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. 1988. Tipy yazykovyh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt [Types of Linguistic Meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow.
2. Chernyshova T. V. "Negativnaya ocenochnost'" kak faktor konfliktnosti publicisticheskogo teksta ["The Negative Evaluation" as a Factor of Conflict in a Publicist Text]. http://siberia-expert.com/publ/negativnaja_ocenochnost_kak_faktor_konfliktnosti_publicisticheskogo_teksta_t_v_chernyshova/3-1-0-65
3. Dobrosklonskaya T. G. 2008. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI [Medialinguistics: A Systematic Approach to the Study of Language Media]. Moscow.
4. Kajda L. G. 2008. "Poziciya avtora v publitsistike. Stilisticheskaya koncepciya" [The Position of the Author in Journalism. Stylistic Concept]. In: Solganik G. Ya. (comp.). 2008. Yazyk sovremennoy publitsistiki. Moscow.
5. Klushina N. I. 2008. Stilistika publicisticheskogo teksta [Stylistics of a Publicist Text]. Moscow.
6. Markelova T. V. 1993. Semantika ocenki i sredstva ee vyrazheniya v russkom jazyke [The Evaluation Semantics and the Means of its Expression in the Russian Language]. Moscow.
7. Smetanina S. I. 2002. Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie processy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka) [Media Text in the System of Culture (Dynamic Processes in the Language and Style of the Late XX Century Journalism)]. St. Petersburg.
8. Solganik G. Ya. 2010. Osnovy lingvistiki rechi [Fundamentals of Speech Linguistic]. Moscow.
9. Valgina N. S. 2003. Teoriya teksta [The Text Theory]. Moscow.
10. Wolf E. M. 2002. Funkcional'naya semantika otsenki [Functional Evaluation Semantics]. Moscow.